

Лю Чжэньцин не разделял бури эмоций, бушевавшей в душах троицы, но тоже заметно нервничал. Всё-таки напроказил. Нынешний Хо Фэнле — далеко не тот покладистый Эрдгоу, что когда-то тенью следовал за ним по пятам.

Лю Чжэньцин поспешно сложил ладони в приветственном жесте:

— Генерал Хо, прошу простить. Я по неосторожности сломал иву во дворе...

Закончить он не успел: издали донеслись встревоженные детские голоса.

— Второй дядя, не сердись! Это мы сломали иву!

— Второй дядя, во всём виноват я! Накажи меня!

Близнецы подбежали со всех ног. Один вцепился в ногу генерала, второй повис на руке, наперебой выкрикивая оправдания. Дядя Тянь, трусивший следом, неодобрительно покачал головой, явно колеблясь, стоит ли разоблачать детскую ложь, но при посторонних промолчал.

Лю Чжэньцин опешил. На душе потеплело: дети и старый дворецкий пытались выгородить его, боясь, что Хо Фэнле сурово обойдётся с чужаком. Трогательная забота согрела сердце. И всё же юлить он не собирался. Набедокурить, а потом прятаться за чужими спинами — даже для такого пройдохи, как Лю Чжэньцин, это было чересчур.

— Генерал Хо, это я залез на дерево. Ветви обломились, когда я пытался спуститься, я...

Он не договорил — Хо Фэнле нахмурился. Сердце Лю Чжэньцина испуганно пропустило удар.

Но в следующую секунду генерал глухо спросил:

— Молодой господин Лю ранен?

Все, кто с замиранием сердца ждал бури, застыли в немом недоумении: «Что?!»

Лю Чжэньцин растерянно моргнул и покачал головой. Он уставился на Хо Фэнле в замешательстве. Что за странная реакция? Неужели рассказы о его свирепости — всего лишь пустые слухи?

Хо Фэнле, убедившись, что гость цел, окинул его быстрым оценивающим взглядом и с абсолютной серьёзностью добавил:

— Если молодому господину Лю хочется лазить по деревьям, стоит позвать слуг, чтобы

присмотрели. Мало ли, упадёте.

Лю Чжэньцин окончательно запутался. Это такой тонкий сарказм? Или слухи действительно раздуты из мухи? А Эрдгоу-то, оказывается, вполне добродушный парень. Ну в самом деле, стоило ли так убиваться из-за какого-то дерева?

Правда, он не заметил, что вокруг воцарилась противоестественная, почти зловещая тишина.

«С Хо Фэнле всё в порядке? Перегрелся на солнце? Повредился умом? Или под доспехами прячется самозванец?» — эти вопросы одновременно пронесли в головах его верных друзей.

Дядя Тянь и вовсе вцепился в собственную бороду, едва не выдрав клочок. Живя в усадьбе безвыездно, он догадывался о многом, но такое великодушие выходило за рамки разумного. Старик усомнился, не подводят ли его собственные глаза и уши.

Дети тоже на мгновение растерялись, но детская психика гибче — они быстрее взрослых приняли эту странность. Не желая оставлять гостя один на один с виной, они честно выложили всё как было. И хоть Лю Чжэньцин не пострадал от гнева дяди, близнецы всё равно немного робели под суровым взглядом генерала.

Хо Фэнле лишь коротко кивнул:

— Свободны. Впредь будьте осторожнее.

Пока присутствующие пребывали в ступоре, дядя Тянь увёл притихших близнецов. Мужчины вернулись под сень беседки. Повисло молчание. У троих друзей в головах роился миллион вопросов, но задавать их при постороннем никто не решался.

Покуда они подбирали нужные слова, Хо Фэнле непринуждённо обратился к Лю Чжэньцину:

— Дело семьи Лю ещё расследуется, но император уже знает, что ты находишься в моей усадьбе. Что касается Жун Шимина...

— О, господин Хэ мне уже всё рассказал, — смущённо отозвался Лю Чжэньцин. Чтобы загладить вину за сломанную иву, он торопливо налил генералу чашку чая и с заискивающей улыбкой пододвинул поближе: — Столько хлопот из-за меня. Благодарю за труды.

Хо Фэнле на мгновение замер, затем взял чашку и осушил её одним глотком. Повернувшись к гостям, он сухо спросил:

— Какими судьбами?

Троица переглянулась. Им ведь не показалось? С чего вдруг от его тона повеяло стужей сразу после глотка обжигающего чая?

Бай Су с мягкой улыбкой посмотрел на Лю Чжэньцина:

— Мы с молодым господином Лю успели сойтись характерами. Разве я не могу провести друга?

Лю Чжэньцин улыбнулся ему в ответ:

— Жаловаться не на что.

Цинь Юй молча отпивал чай, держась в стороне от беседы. Зато Хэ Лань не утерпел и заговорщически пихнул Хо Фэнле локтем:

— Ты ведь только что от императора? Что он говорит? Показания передал? Слыхал я, Великая принцесса там такой скандал закатила — костями ложится, лишь бы выгородить этих двоих. Утверждает, что её племянники слыхом не слыхивали о злоупотреблениях на императорских экзаменах.

— Твой двоюродный дядя уже взял Великую принцессу под стражу, — ровным голосом ответил Хо Фэнле.

Новость прозвучала подобно грому среди ясного неба. Если за дело взялся лично верховный командующий Парчовой стражи, значит, участь принцессы решена. Неужели государь действительно решился наступить на горло собственной тётке?

— Ну, теперь она точно поднимет вой о том, как спасла жизнь императору и тебе в былые годы, — глумливо хмыкнул Хэ Лань.

Хо Фэнле лишь глухо обронил:

— Угу.

Лю Чжэньцин, внимательно прислушивавшийся к разговору, при этих словах невольно помрачнел.

Сидевший напротив Бай Су заметил перемену в его лице и поспешил пояснить:

— Ах да, брат Лю ведь потерял память и многих тонкостей не знает. В своё время Великую принцессу выдали замуж в Сихэн ради союза. Вскоре после этого трагически погиб наследный

принц, а нынешнего императора — тогда ещё совсем ребёнка — мятежные три князя обманом отправили к сихэнцам в качестве заложника.

Лю Чжэньцин слушал с самым беспристрастным видом, хотя в мыслях горько усмехнулся, вспомнив прежнего трусливого и безвольного императора. Тот так боялся войны, что без колебаний отдал на заклятие собственного внука. Позор на все поколения Великой Чжоу.

Голос Бай Су помрачнел — воспоминания о тех временах у любого честного человека вызывали лишь горечь:

— По сути, мальчика бросили на произвол судьбы. Однако спустя два года Великую Чжоу заштормило. Преодолев немало бед, покойный император перед самой кончиной всё же переписал завещание в пользу законного внука. Тогда-то и снарядили спасательный отряд. А Великая принцесса, находившаяся в Сихэне, сыграла в этом побеге ключевую роль.

— Вот она теперь и помыкает всеми, прикрываясь старыми заслугами, а Его Величество вынужден терпеть, — презрительно фыркнул Хэ Лань. — Классический пример чёрной неблагодарности. Да, она помогла императору и Чжаньюаню бежать, спору нет. Но саму её из Сихэна вызволяли воины семьи Хо! Что-то я не слышал, чтобы она хоть раз поклонилась Хоцзяцзюнь в ответ.

Доселе молчавший Цинь Юй холодно заметил:

— Она принадлежит к императорскому роду. Рождённая повелевать привыкла судить других по всей строгости закона, а себе прощать любые прегрешения. Это в порядке вещей.

— Тьфу на неё! — в сердцах бросил Хэ Лань.

Цинь Юй, брезгливо приподняв бровь, посмотрел на свой чайник, а затем молча забрал чашку Хэ Ланя и пододвинул ему свою.

Хэ Лань возмущённо вытаращился на друга — и смех и грех, неужели тот всерьёз подумал, что он набрызгал слюной в его чашку?

Лю Чжэньцин мысленно улыбнулся, глядя на колышущиеся чайники. На самом деле в те годы принцесса и пальцем пошевелить не желала ради племянника. Муж-сихэнец её не жаловал, положение её при чужом дворе было шатким, и она носа не смела высунуть из своих покоев, чтобы навестить маленького Юань Цзюе. Лю Чжэньцин лично выторговал её согласие, пообещав вернуть её на родину и представить всё дело так, будто это она проявила инициативу и спасла наследника. Кто же знал, что эта выдуманная «великая милость» раздует её амбиции до небес?

Из задумчивости его вывело лёгкое прикосновение — чашку плавно забрали из пальцев.

Лю Чжэньцин удивлённо поднял глаза.

— Остыл, — коротко пояснил Хо Фэнле и наполнил чашу свежим, исходящим паром чаем.

Хэ Лань тем временем вновь обратился к генералу:

— Послушай, Чжаньюань, тебе ведь тогда едва исполнилось тринадцать, верно? Отправить мальчишку в логово врага под видом личного слуги императора, чтобы готовить побег... Это же чистой воды безумие! Как твой старший брат вообще пошёл на такое? Как отпустил?

«Конечно же, не хотел», — мысленно отозвался Лю Чжэньцин. Кто в здравом уме согласится обречь своего младшего, любимого Эрдгоу на верную гибель? Но иного пути у них не оставалось. Чтобы вызволить Юань Цзюе, требовался человек преданный, способный, а главное — не вызывающий подозрений у сихэнских лазутчиков. Они перебрали десятки имён, пока перед ними не предстал сам мальчишка.

— Я вызвался сам, — бесстрастно произнёс Хо Фэнле. — В те годы я был глуп и слаб, и это было единственное, чем я мог помочь семье. К тому же всю черновую работу за меня проделали другие. Моя задача сводилась лишь к тому, чтобы находиться подле государя и ждать сигнала. Тем, кто оставался в Великой Чжоу, приходилось куда солонее.

Присутствующие помрачнели, припомнив кровавую смуту Мятежа Трёх Князей. Столица тогда захлёбывалась в страхе и крови.

Бай Су кивнул. Те грозные годы навсегда врезались в его память:

— Мой брат рассказывал, что маршал Хо и его соратники открыто поддерживали покойного наследного принца. Для мятежников они были как кость в горле. Если бы побег Чжаньюаня сорвался, три князя стёрли бы семью Хо с лица земли.

— Не испытай невзгод, не обретёшь величия, — усмехнулся Хэ Лань, дружески хлопнув Хо Фэнле по плечу. — Зато теперь между тобой и императором узы крепче стали. Родственные души, прошедшие огонь и воду. — Он лукаво подмигнул Лю Чжэньцину: — Иначе кто бы ещё посмел укрывать у себя государственного преступника?

Лю Чжэньцин лишь неловко улыбнулся. На самом деле он согласился пойти за Хо Фэнле именно потому, что понимал глубину его влияния. Для человека с таким положением укрыть мелкого беглеца — сущий пустяк, да и Юань Цзюе, в конце концов, вырос под их присмотром.

— И всё же, если подумать, Великая принцесса — фигура трагическая, — со вздохом заметил Бай Су.

— Юйчжоу, да у тебя сердце из воска отлито! — изумился Хэ Лань.

Бай Су покачал головой:

— Тот сихэнский князь, обладавший безграничным могуществом, и видеть её не желал. Уезжая из столицы, он даже не взял новоиспечённую супругу с собой. Прежний император буквально силой выслал её вслед за ним. Для дочери правящей династии подобное унижение — худший из кошмаров.

— Верно, верно! — оживился Хэ Лань, почуяв сочные сплетни. — Я ведь тоже слышал, что на самом деле этот сихэнский владыка жаждал взять в жёны...

Договорить он не успел: Цинь Юй снайперским движением запихнул ему в рот кусок пирожного. Хэ Лань поперхнулся, едва не задохнувшись, и уже собирался высказать другу всё, что о нём думает, но вовремя осёкся. Атмосфера в беседке мгновенно заледенела. Лицо Хо Фэнле сделалось белее снега и словно окаменело. Хэ Лань виновато закашлялся и благоразумно прикусил язык.

Лю Чжэньцин прекрасно понимал, о ком шла речь. Чувствуя неловкость, он уткнулся в чашку. Этим юнцам было невдомёк, что покойный император в приступе старческого маразма едва не согласился на это безумное требование Сихэна. Если бы не заступничество наследного принца, Лю Чжэньцину действительно пришлось бы примерить свадебный наряд.

При этой мысли в глубине его разума что-то шевельнулось — резкое, тревожное воспоминание попыталось пробиться сквозь пелену забытья, но он волевым усилием подавил вспышку. Чтобы прогнать нахлынувшую тьму, он поспешил воскресить в памяти другие, тёплые и забавные картины прошлого.

Он и сам не заметил, как его рука непроизвольно потянулась к лопатке, словно пытаясь нащупать старый шрам. Это мимолётное движение не укрылось от пристального взора Хо Фэнле. Глаза генерала на мгновение налились багровой яростью, а под его сапогом раздался едва слышный сухой треск. Лишь Цинь Юй и Хэ Лань — опытные мастера боевых искусств — уловили этот звук. Им не нужно было смотреть вниз, чтобы понять: каменная плитка под ногой Хо Фэнле только что разлетелась в крошево.

Хэ Лань, решив, что виной всему его длинный язык, поспешно соорудил виноватую мину. Цинь Юй одарил его полным презрения взглядом, безмолвно вопрошая: «Тебе жить надоело?», и уже собирался перевести разговор в безопасное русло, как вдруг заметил перемену в лице генерала.

Тот неотрывно смотрел на Лю Чжэньцина. Тот, устремив мечтательный взор куда-то вдаль, едва заметно улыбался, явно погружённый в приятные думы. Хо Фэнле даже не нужно было проследивать направление его взгляда — он и так знал, что тот смотрит в сторону старого двора его покойного брата.

Когда-то они втроем часами засиживались там за кувшином вина, а маленький Эрдгоу хвостиком ходил за ними повсюду.

Ту ночь он помнил до мельчайших подробностей...

Они сидели в залитом лунным светом саду. Лю Чжэньцин, хмельно щурясь, развалился на скамье и залиvisto смеялся:

— Слыхал я, что писанные красавицы в древности служили ценным государственным ресурсом, но чтобы и статных мужей отправляли на торг... Всё из-за моей неотразимой внешности! Если бы за красоту карали плахой, меня бы точно приговорили к истреблению всех девяти поколений рода!

— Да-да, краше тебя только солнце в полдень! — безжалостно поддразнивала его Ли Синжо. — Твоя миловидность способна облагородить кровь сихэнских правителей на века вперёд. Ах, незадача — родить-то ты не сможешь! Зато твоя внешность — грозное оружие, способное сокрушить вражескую державу без единого выстрела.

Но Лю Чжэньцин лишь задорно хмыкнул, принимая вызов:

— А что, стоит попробовать! Чисто из соображений государственной выгоды мне следовало бы согласиться на этот брак. Уж я бы там развернулся, пользуясь своим очарованием. Что, завидно?

Ли Синжо шутливо ущипнула его за щеку:

— Чему тут завидовать? погоди, вот доберётся до тебя Великая принцесса за то, что строишь глазки чужеземным вельможам у неё под носом, тогда попляшешь!

— Я лишь защищал престиж Великой Чжоу! Раз уж больше некому проявить доблесть! Старший брат Хо, спаси! — Лю Чжэньцин шутливо потянулся к Хо Фэйханю, но Ли Синжо тут же перехватила руку маршала с другой стороны, заставив того лишь беспомощно развести руками.

Оказавшись в шуточном плену, Лю Чжэньцин воззвал к самому младшему:

— Эрдгоу, ну же, помоги своему братцу Ситину!

Хо Фэнле не помнил, какое выражение лица было у него в тот момент. Он лишь помнил, как весёлый смех разом стих. Старшие тревоженно уставились на него, решив, что мальчик попросту испугался нелепых угроз сихэнцев.

Они были правы. Он действительно испугался до смерти. В его детской голове набатом стучала одна-единственная мысль:

«Нет! Только не это! Братец Ситин не должен уезжать в чужую страну! Не должен выходить замуж за другого мужчину! Ни за что на свете!»

Грудь Хо Фэнле тяжело вздымалась. Глухая, удушающая ярость клокотала в его сердце, но близость любимого человека заставила его усмирить бурю.

Выждав, пока гнетущее молчание рассеется, Цинь Юй деловито произнёс:

— Теперь, когда Великая принцесса лишилась своего влияния, участь семей Жун и Цзян предрешена. Половину дела можно считать закрытой. Однако расследование злоупотреблений на императорских экзаменах в южных областях ещё далеко от завершения.

При этих словах Бай Су грустно вздохнул. Его старший брат когда-то нёс службу в тех краях:

— Южные провинции слишком далеки от столицы. На одну только дорогу туда и обратно уйдёт уйма времени, не говоря уже о сборе улик. Боюсь, расследование затянется не меньше чем на месяц. Молодому господину Лю придётся запастись терпением.

Лю Чжэньцин мысленно простонал. Прощай, его тихая, мирная старость!

— Ждать-то ладно, лишь бы новые виновники не вскрылись, а то пиши пропало, — пробормотал он.

— Думаю, государь создаст выездную следственную комиссию, — нахмурился Цинь Юй, глядя на генерала. — Его Величество не упоминал об этом?

— Пока нет, — отозвался Хо Фэнле.

— Наверняка так и поступит, — с азартным блеском в глазах ухмыльнулся Хэ Лань. — Чжаньюань, если император спросит твоего совета насчёт кандидатуры, назови моё имя. Уж я-то вытрясу душу из этих государственных паразитов. Всё, что они успели нагрести в свои карманы, вернут казне до последнего медного гроша.

— Покушаться на святое — на отбор талантов для империи — величайший грех, — гневно добавил Бай Су. Как истинный книжник, он не терпел подобной низости. Даже на его обычно кротком лице проступила суровая решимость. — Мой брат всегда твердил, что императорские экзамены — это основа основ. Ему это внушил ещё сам Лю Чжэньцин, когда поручил надзор за уездами. Даже этот отпетый злодей понимал...

Бай Су внезапно осёкся, прикусив язык. Да что ж с ними сегодня такое? Сначала Хэ Лань, теперь он... словно бес попутал беречь старые раны!

Хэ Лань сочувствующе посмотрел на друга. Впрочем, винить их было трудно: какое бы событие прошлых лет они ни вспоминали, тень всемогущего канцлера Лю Чжэньцина неизбежно всплывала на поверхность. Сами-то они привыкли к мрачному молчанию Хо Фэнле при упоминании этого имени, но перед стоящим рядом молодым господином Лю, принадлежащим к тому же клану, было как-то неловко.

Заметив робкий, извиняющийся взгляд Бай Су, Лю Чжэньцин лишь мягко улыбнулся:

— Пожалуй, это можно счесть за похвалу в его адрес.

Хо Фэнле лишь слегка нахмурил брови, но не стал обрывать разговор, как делал это обычно. Однако никто не заметил, что его взор из-под опущенных ресниц по-прежнему был прикован к Лю Чжэньцину.

— Неужели грозный господин канцлер действительно выказывал подобное рвение ради справедливости? — осторожно полюбопытствовал Хэ Лань, видя, что гроза миновала. В те годы он ещё не служил при дворе, поэтому довольствовался лишь досужими слухами.

— Он действительно придавал этому огромное значение, — подтвердил Цинь Юй. Будучи в прошлом дворцовым стражем, он воочию наблюдал за работой прежнего Императорского кабинета.

Лю Чжэньцин мысленно усмехнулся. Разумеется, он берёт эту систему как зеницу ока. Ведь этому его научил их общий наставник — великий человек, безвременно ушедший из жизни.

Наследный принц Цзинъян...

Отец нынешнего государя, чьё имя когда-то гремело по всей Поднебесной. Именно благодаря праздной суете вокруг императорских экзаменов в столице они, будучи ещё совсем юными и беспечными, когда-то повстречали принца, путешествовавшего инкогнито.

В те далёкие времена единые императорские экзамены ещё не разделяли на северные и южные потоки, и во время испытаний столица буквально лопалась от наплыва соискателей. Прежний престарелый император особой любовью у мыслящих мужей не пользовался, а потому молодые книжники, собираясь в трактирах за чаркой вина, без удержу предавались вольнодумству и дерзко критиковали власть. То и дело вспыхивали скандалы, грозившие обернуться бунтом. Позже именно из-за этого порядок сдачи пересмотрели, ввели строжайший надзор и стали объявлять в столице комендантский час.

Но тогда, во время их первой встречи с принцем, они все вместе оказались в одной таверне, привлечённые шумным сборищем. Зал был забит будущими чиновниками: кто-то декламировал стихи, кто-то до хрипоты спорил о трактатах древних философов, а южане и северяне с упоением обменивались взаимными колкостями. Вскоре словесная перепалка грозила перерасти в банальную драку. Заводилой в толпе выступал один напыщенный, обиженный на

весь свет писака. С самым высокомерным видом он разглагольствовал о том, что миром правят дураки, включая самого Сына Неба, и без умолку нахваливал реформы, проводимые в Сихэне.

Лю Чжэньцин, разумеется, мимо такого напыщенного индюка пройти не мог. Даже острая на язык Ли Синжо согласно кивнула: «Задай ему жару!». Распалившись, Лю Чжэньцин перегнулся через перила второго этажа и обрушил на спорщика такую лавину красноречия и ядовитого сарказма, что несчастный едва не захлебнулся собственной жёлчью от бессильной злобы.

Сейчас, оглядываясь назад, Лю Чжэньцин искренне удивлялся, как его вообще не прибили в юности за такой скверный характер. Лишь благодаря кулакам Хо Фэйханя и ядам Ли Синжо он ухитрился выходить сухим из воды. Они ведь потому и заставляли его учиться хоть какому-то боевому искусству: «С твоим подвешенным языком тебя в любой подворотне прирежут, если нас рядом не окажется!»

Тот самый посрамлённый умник оказался сыном какого-то богатого провинциального воротилы. Разъярённый до предела, он кликнул свою челядь и ворвался на второй этаж. С силой пнув узорную ширму, он грозно зыркнул на сидевшую за ней троицу:

— Кто?! Кто из вас сейчас раскрывал свой поганный рот?!

Взор нападавших тут же скрестился на Лю Чжэньцине и Ли Синжо, которая для удобства облачилась в мужское платье — оба выглядели как утончённые столичные хлыщи.

Но в следующее мгновение эти двое, не сговариваясь, синхронно указали пальцами на несчастного Хо Фэйханя, который за всё время не произнёс ни слова, будучи полностью поглощён уничтожением жареной утки:

— Это он сказал!

И прежде чем маршал успел сообразить, что произошло, шустрые заговорщики скользнули в соседнюю кабинку и, прильнув к щелям деревянной перегородки, приготовились наблюдать за представлением.

Из глубины чужих покоев донёсся тихий, искренний смех:

— Господа, предавать соратника подобным образом... не слишком ли жестоко?

Обернувшись, они увидели статного, изысканно одетого молодого человека благородных кровей. За его спиной застыли двое телохранителей, чьи тяжёлые взгляды не предвещали незваным гостям ничего хорошего. Сам же незнакомец с весёлым любопытством оглядел вошедших.

И хотя Лю Чжэньцин с Ли Синжо никогда не отличались покладистым нравом, перед этим человеком они почему-то сразу притихли и послушно ответили.

— А что такого? — пожала плечами девушка. — Он крепкий, выдержит!

— Истинная правда, — закивал Лю Чжэньцин. — Сомневаться в его силе хотя бы мгновение — значит проявить к нему глубокое неуважение.

В этот момент за стеной слышались звуки ударов и грохот ломающейся мебели. Всё затихло так же быстро, как и началось. Из соседней кабины донёлся раздосадованный голос Хо Фэйхана:

— Эй, мы доедать-то будем? Придётся пересесть, тут стол пополам развалился.

Лю Чжэньцин с соратницей лишь дружно пожали плечами, вызвав у благородного господина новый взрыв искреннего смеха.

— Присаживайтесь к моему столу, я угощаю, — дружелюбно предложил он.

За тем обедом они и познакомились с покойным наследным принцем Цзинъяном.

С тех пор, какие бы глупости они ни совершали, этот великодушный покровитель всегда прикрывал их спины, позволяя им расти свободными и ни перед кем не преклонять колен.

Именно принц Цзинъян настоял на реформе экзаменационной системы, резонно полагая, что недовольство среди учёных мужей способно расшатать устои любого государства. Он неустанно твердил им, что отбор чиновников должен быть кристально чистым: «Если разрушить эту ступень, империя лишится верных умов. Как тогда удерживать порядок? Да, в мутной воде всегда заводится рыба, но те крохи, что крадут из бюджета отбора талантов, омоются кровью будущих бунтов. Только когда достойные люди займут свои места в управе, в стране воцарится истинный покой».

...

Именно поэтому, даже став в глазах потомков коварным временщиком и предателем, Лю Чжэньцин никогда и никому не позволял запускать лапу в дела императорских экзаменов.